

3
99 27.

ГЛАЗА И ЗВУКИ ВОЙНЫ

Т. ЩЕПКИНА
КУПЕРНИК

~~12/89~~

99 3
27

4282

599 ³/₂₇

Мур

Отзвуки войны.

Стихотворения.

Издание Т-ва И. Д. Сытина.
Москва.—1915.

Типография Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ
Москва. — 1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Бельгія:	
Королю Альберту	5
Пѣсня брюсельскихъ кружевницъ	7
Бельгійскіе солдатики	11
Брюгге	13
Лебеди	16
Пасхальные цвѣты.	20
Видѣніе	22
II. Въ раю:	
Въ раю.	29
III. Отзвуки войны:	
Пѣсня надъ рубашкой	37
Паллада.	40
Икона.	43
За Россію	45
Князь Олегъ	47
Глаза.	49
Далекія могилы	51
Кто она?	54

	<i>Стр.</i>
Старый солдатъ	56
На „елку въ окопахъ“	58
Въ рождественскій вечеръ	61
Вѣра, надежда, любовь	63
Въ непогоду	64
Письмо	65
IV. Польшѣ:	
Польская гѣснь	69
Польша	71
Дѣти бѣженцевъ	73
V. 1314-й годъ:	
Пѣсня за игрой въ мячъ	79
Приношеніе	81
Пѣсня сторожа	83
Ожиданіе	84
Молитва	85
Возвращеніе	86
Чась тушенія огней	88
Рождественская ночь	90
VI. Молитвы:	
Передъ исповѣдью	93
Молитва Ефрема Сирина	94

БЕЛЬГІЯ.

Королю Альберту.

Король-баярдъ, безъ страха и упрека,
Для подвига отмѣченный судьбой,
На грудь свою, по грозной волѣ рока,
Ты принялъ первый, самый страшный бой.

Король-баярдъ, ты, чей девизъ—свобода,
Чей благородный духъ неустрашимъ,
Пошелъ ты смѣло во главѣ народа,
Чтобъ до конца испить всю чашу съ нимъ.

Исторіи кровавая страница
Полна неожиданной, свѣтлой красоты:
Подругой льва — быть можетъ только львица,
Не разлучить ихъ царственной четы!

Лишенія, отчаянье, невзгоду —
Она съ тобою дѣлитъ пополамъ.
Вѣрны вы оба своему народу,
Какъ вашъ народъ — остался вѣренъ вамъ.

Молва казнить злодѣевъ вѣроломство;
Героевъ — ждетъ и слава и почетъ.
Тебя — Великимъ назоветъ потомство,
Елизавету — Вѣрной наречетъ.

Въ исторіи безстрастныхъ скрижали
Священныя запишутъ письма,
О томъ, какъ слово вы свое сдержали
И какъ за то погибла вся страна.

О, если бы опять она окрѣпла,
Минувшими страданьями горда,
Какъ фениксъ снова возродясь изъ пепла
Для счастья и мирнаго труда!

Достойны вы вѣнца безсмертной славы,
И ты, король, и твой народъ-герой...
Но плачьте, плачьте, мощныя державы,
Надъ младшею прекрасною сестрой!

Она за васъ пошла на бой безъ стона,
За васъ—всей кровью жертвуетъ родной...
Склоните же съ почтеніемъ знамена
Предъ маленькой великою страной!

Пѣсня брюссельскихъ кружевницъ.

(Посв. М. Н. Ермоловой).

Прежде.

О, Бельгіи счастливой небеса!
Нашъ край родной, богатый и свободный!
Арденскіе могучіе лѣса,
Сады и нивы Шельды полноводной!
Работаютъ большіе города,
Стучать станки и движутся машины,
Но тихи горъ цвѣтуція долины
И въ нихъ пасутся мирныя стада.
Нашъ край родной—искусствами украшенъ:
За гордою охраной старыхъ стѣнъ
Какъ много въ немъ дворцовъ, церквей и ба-
шенъ...

И есть два перла: Брюгге и Лувенъ.
Въ святую стѣну собора-исполина
Идутъ молиться толпы безъ числа,
И радостно звонятъ колокола,
Колокола стариннаго Малина.
Но громче ихъ—коклюшекъ нашихъ стукъ
На цѣлый міръ звучитъ, напоминая,

Что кружевомъ горда страна родная,
И славенъ край—работой нашихъ рукъ.
То кружево прекрасно точно грезы,
На царство въ немъ вѣнчаютъ королевъ...
И всѣмъ, кому знакомъ бельгійскій левъ—
Знакомы и бельгійскихъ кружевъ розы.
Трудомъ упорнымъ Бельгія жива,
Гордимся мы своимъ любимымъ краемъ,
И въ дорогія наши кружева
Мечты о счастья родины вплетаемъ.

* * *

Тяните, тяните
Воздушныя нити,
Коклюшки, стучите—узоръ ужъ готовъ!
Пусть ловкіе пальцы
На легкія пяльцы
Набросятъ рисунокъ изъ звѣздъ и цвѣтовъ.
И будутъ повсюду
Дивиться какъ чуду
Работѣ крестьянокъ брабантскихъ долинъ:
Названье тѣхъ кружевъ—всегда драгоцѣнно,
Оно остается вездѣ неизмѣнно:
Вотъ гордость Брабанта—Брюссель и Малинь!

* * *

Теперь.

О, Бельгіи несчастной небеса!
О, бѣдный край, великій, благородный!..
Стоять въ огнѣ Арденскіе лѣса,
Потоки крови въ Шельдѣ полноводной..
Разрушены большіе города,
Молчатъ станки и сломаны машины,
Людскою кровью залиты долины,
Разграблены крестьянскія стада.
Поруганы народныя святыни,
Разрушены твердыни старыхъ стѣнъ,
Все сожжено: не существуетъ нынѣ
Безжалостно погубленный Лувенъ.
Въ святой сѣни собора-исполина
Лежатъ убитыхъ груды безъ числа,
И какъ набатъ звучать колокола,
Колокола стариннаго Малина.
Но пусть нашъ стонъ несется громче ихъ,
На цѣлый міръ звучитъ, напоминая,
О благородствѣ маленькаго края,
О томъ, что онъ сталъ жертвой за другихъ.
Быть-можетъ, онъ падетъ въ борьбѣ кровавой..
Но мощно въ немъ кипитъ священный гнѣвъ
И всѣмъ, кому знакомъ бельгійскій левъ—
Знакомъ теперь и стягъ безсмертной славы.

На вѣки слава Бельгіи жива,
Неугасимо вѣчной правды пламя,
И залитыя кровью кружева
Подниметь міръ, какъ дорогое знамя.

* * *

Тяните, тяните
Кровавыя нити,
И пойте великую пѣсню свою:
О Бельгіи вѣрной,
О жертвѣ безмѣрной,
О славныхъ, о павшихъ въ неравномъ бою.
И будутъ повсюду
Дивиться какъ чуду
Великимъ героямъ брабантскихъ долинъ.
Ихъ подвиговъ имя всегда неизмѣнно,
Оно какъ молитва звучитъ вдохновенно—
Вотъ гордость Брабанта, Брюссель и Малинь!

Бельгійскіе солдатики.

Мы дѣти Бельгіи несчастной,
Мы отъ земли видны едва,
Но захватилъ насъ врагъ всевластный...

Разъ-два, разъ-два!

У насъ отъ родины осталась
Морской полоски синева,
Вся Бельгія врагу досталась...

Разъ-два, разъ-два!

Гроза прошла надъ нашимъ краемъ,
Но въ дѣтствѣ радость все жива,
И мы попрежнему играемъ...

Разъ-два, разъ-два!

Пугаютъ нѣмцы насъ разстрѣломъ,
Они не терпятъ баловства,
Но мы храбры въ упорствѣ смѣломъ...

Разъ-два, разъ-два!

Мы собираемся гурьбою
Тайкомъ у городского рва,
И тамъ играемъ межъ собою—

Разъ-два, разъ-два!

Разорены у насъ избушки,
И кровью залита трава,

Куски шрапнели намъ игрушки...

Разъ-два, разъ-два!

Отцы ушли... Мы безъ защиты,

Уже давно идетъ молва,

Что очень многие убиты...

Разъ-два, разъ-два!

И наши матери въ печали

Плести забыли кружева,

И въ домѣ пѣсни замолчали...

Разъ-два, разъ-два!

Но по ночамъ, уже въ постели,

Мы слышимъ матерей слова:

«Живите для великой цѣли...»

Разъ-два, разъ два!

«О, сыновья, скорѣй растите,

И за поруганнаго льва

Врагу надменному отмстите...»

Разъ-два, разъ-два!

И говоримъ мы съ поцѣлуемъ:

«Дай, мама, вырасти сперва—

И край родной мы отвоюемъ!»

Разъ-два, разъ-два!

Брюгге.

Тихій Брюгге, тихій городъ
Бѣлоснѣжныхъ лебедей,
Полусонныхъ водъ зеленыхъ
И безмолвныхъ площадей!
Наклонялся ликъ Мадонны
Въ полумракѣ строгихъ нишъ...
Гладь канала отражала
Черепицы острыхъ крышъ.
Укрывала сѣнь деревьевъ
Бѣлыхъ стѣнъ святой приютъ...
Пролетали безъ печали
Тѣни свѣтлыя минутъ.
Только женщинъ, чистыхъ сердцемъ,
Эти стѣны стерегли:
Были чужды имъ всѣ нужды
И волненія земли.
Тамъ въ покоѣ проходили
Безмятежные года...
Ихъ жилище было чище
Лебединаго гнѣзда.
Плавно лебеди скользили
По зеленой глубинѣ...

Ихъ движенья—отраженья
Повторяли какъ во снѣ.
Въ часъ вечерній надъ водою
Пѣли пѣснь колокола...
Пѣснь святая, пролетая,
Миръ торжественный несла.
Городъ—сказка кружевная
Несказанной тишины!
Какъ жестоко издалика
Налетѣли злые сны!
Отразился рядъ развалинъ
Въ тихомъ «озерѣ любви»...
Всѣ каналы—блѣдно-алы
Отъ пожаровъ... Какъ въ крови.
Надъ печальнымъ разрушенемъ
Опустѣвшихъ площадей,
Улетая плачетъ стая
Бѣлоснѣжныхъ лебедей.
О, куда имъ путь направить
Изъ родимаго гнѣзда?
Дымъ и пламя надъ лѣсами
И пылаютъ города.
Рвутся ядра, свищутъ пули,
Надъ водой звучитъ набатъ...
Всюду смута—нѣтъ приюта,
Цѣлый край огнемъ объять.

Лебедей невинныхъ стая
На лету поражена...
Стонъ печальный... Кликъ прощальный...
Пѣсня смерти—вотъ она!
Стая вороновъ зловѣщихъ
Къ страшной трапезѣ своей
Тучей смѣло налетѣла
Вмѣсто бѣлыхъ лебедей!
Нивы Фландріи несчастной,
Васъ жестокой ждетъ удѣлъ:
Лебедь чистый, серебристый
Лебедь мира—улетѣлъ!
Стая вороновъ зловѣщихъ
Грозно кличетъ «умирай!»
— Нѣтъ! Ты встанешь, ты воспрянешь,
О, бессмертный, смѣлый край!
Черныхъ вороновъ кровавыхъ
Ты прогонишь навсегда
Изъ родного, изъ святого
Лебединаго гнѣзда.
И услышишь, полонъ счастья
Новой жизни, новыхъ силъ—
Шумъ священный, неизмѣнный,
Лебединыхъ мощныхъ крылъ!

Лебеди.

(Посв. З. Ш—й).

То были два мирныхъ Иксельскихъ пруда
Въ счастливомъ цвѣтущемъ Брюсселѣ.
Въ нихъ тихо блестѣла на солнцѣ вода,
Кругомъ берега зеленѣли.

Жизнь города шумно кипѣла вдали,
Они жъ, какъ два ясныя ока,
Смотрѣли на синее небо съ земли

Далеко, далеко.

Въ нихъ лебеди жили подъ сѣнью вѣтвей,
Ихъ крылья въ водѣ трепетали...

И были тамъ бѣлые—снѣга бѣлѣй,—

И черные—точно изъ стали.

Они поднимали ударами крыль
Фонтаны серебряной пыли,
И каждый ихъ гордую прелесть любилъ,
А дѣти ихъ хлѣбомъ кормили.

И лебеди были ручными совѣмъ,

И къ людямъ не вѣдали страха...

И плавали бѣлыя птицы поэмъ,

Прекрасныхъ поэмъ Роденбаха.

* * *

Но ужасъ свершился. Громовый раскатъ
Потрясъ беззащитныя стѣны,
Ворвался предатель—и городъ былъ взятъ,
Несчастная жертва измѣны.

Кто могъ—тотъ бѣжалъ, и съ оружіемъ въ
рукахъ

Съ Альбертомъ за родину бился...

А въ городѣ—ужасъ, пустыня и страхъ,
И врагъ съ торжествомъ воцарился.

Разъ—женщина тихо къ прудамъ подошла
Осеннею лунною ночью,
На мѣсто, гдѣ счастье когда-то нашла,
Взглянуть еще разъ ей воочью.

Одна... Въ этомъ городѣ, ставшемъ чужимъ,
Гдѣ свѣтлый сонъ счастья былъ прожить...
А онъ—тотъ кто былъ такъ безбрежно лю-
бимъ—

Далеко... Убить ужъ, быть-можетъ?

И утро лазурное вспомнилось ей,
Когда, въ ликованьи апрѣля,
Какъ дѣти, кормили они лебедей
Въ прудахъ безмятежныхъ Иксея.

«Вотъ—лѣто пройдетъ—и тогда, наконецъ,
Дождемся желаннаго срока...»

О, горе казалось для юныхъ сердець
Далеко, далеко!..

* * *

И вдругъ ей почудилось бьеніе крыль
И брызги серебряной пыли,
И жалобный плачь все кругомъ огласилъ:
То—черные лебеди были!

То плакали птицы... И горькій ихъ стонъ
Страшнѣ былъ плача людского,
И былъ ея сердцу понятнѣ онъ,
Чѣмъ самое внятное слово.

«Голодные... Брошены въ водахъ пруда,
Безъ корма, одни, безъ защиты...
Ужъ больше никто не прійдетъ къ нимъ туда—
Забыты, забыты, забыты!..»

Внимала... И жалобный плачь лебедей
Звучалъ ей какъ слезы упрека:
Для нихъ... И для нихъ—счастье радостныхъ
дней

Далеко, далеко!

* * *

На утро пришли—тѣ, кто нынѣ въ странѣ
Гордился кровавой удачей:

Узнали, что граждане скрыли на днѣ
Оружье свое передъ сдачей.

Чтобъ въ руки оно не попалося врагамъ—
Довѣрили водамъ въ Икселѣ...

Но кто-то донесъ имъ, что спрятано тамъ—
И воды —спустить повелѣли.

И смотрятъ—(и страшень безгласный ихъ зовъ)—
Тѣ два ослѣпленные ока...

Гдѣ жъ лебеди бѣдныхъ Иксельскихъ пру-
довъ?..

Далеко... Далеко!

Пасхальные цвѣты.

Обычай въ Бельгии когда-то
Былъ въ стародавнiе года,
Который соблюдали свято
Бельгiйки—дѣвушки всегда.
Всѣ—отъ крестьянки до принцессы—
Своимъ счастливымъ женихамъ
Въ часы святой пасхальной мессы
Подарокъ свой несли во храмъ.
Но вмѣсто краснаго яичка,
Когда настанетъ день Христовъ,
Была красивая привычка
Дарить друзьямъ пучокъ цвѣтовъ.
Въ сѣни торжественныхъ соборовъ,
Надъ чашей со святой водой,
Встрѣчались звѣзды нѣжныхъ взоровъ,
Лучи надежды молодой.
Подъ звуки важнаго хорала,
Что въ высь молитвенно неслись,
Душа отъ счастья замирала
И тоже уносилась въ высь.
Въ пожатьи, нѣжностью волнуя,
Сплетались робкiе персты...

И дѣва, вмѣсто поцѣлуя,
Дарила милому цвѣты.

* * *

Теперь разрушены соборы,
Замолкъ торжественный хоральъ,
Зловѣщіе, иные хоры
Народъ бельгійскій услыхальъ.
О дѣва бельгіи печальной!
Гдѣ милый твой? Въ какомъ бою?
Какой ему привѣтъ пасхальный
Какъ ласку ты пошлешь свою?
Иль съ неугаснувшей любовью
Ему на гробъ положишь ты
Цвѣты, обрызганные кровью—
Несчастной Бельгіи цвѣты!..

Видѣніе.

(Съ франц. Э. Манюэля).

I.

Мнѣ видѣлся печальный сонъ:
Двѣ хижины... Въ нихъ—все похоже.
Двухъ женщинъ слышался мнѣ стонъ,
И горе въ немъ—одно и то же.
И каждый домъ—стоялъ въ одной
Изъ тѣхъ долинъ, еще обильныхъ,
Откуда вырвано войной
Такъ много молодыхъ и сильныхъ.
Была зима. Зимой—всегда
Страшнѣй тревога за далекихъ,
Когда прибавятъ холода
Мученій раненымъ жестокихъ.
Снѣгъ падалъ. Хлопья пеленой
На вѣтви черныя летѣли,
И вѣтеръ плакалъ за стѣной
И жалобно просился въ щели.
Дороги были всѣ пусты,
И лишь воронъ чернѣлась стая,

Въ туманѣ сѣрой темноты
Къ пирамъ далекимъ пролетая.
Два очага... и два огня...
Двѣ женщины въ нѣмой печали,
Безсильно руки уроня,
О битвахъ думали... и ждали.
Два сердца, сжатыхъ тоской
Безъ ласки милой и любимой...
Навѣки мирный ихъ покой
Нарушилъ долгъ неумолимый.
Ихъ мысли—тамъ въ чужой странѣ...
— Все нѣтъ письма... Какъ силъ достанетъ?..
Когда ребенокъ на войнѣ—
То сердце матери все ранить.
Одна звала... О, этотъ крикъ!
Не все ль равно, какой языкъ—
Звучить онъ, сердце надрывая.
Прислушайтесь къ ея словамъ:
— «Mein Kind, mein Kind!»—Понятно ль вамъ?
— «Мой сынъ, мой сынъ!» Звала другая.

II.

И въ тотъ же мигъ... О, страшный сонъ!
На грозномъ полѣ, послѣ боя

Я вновь двойной услышалъ стонъ:
Два бѣдныхъ мальчика-героя.
Была зима. Едва замолкъ
Орудій грохотъ. Мракъ сгущался...
На полѣ здѣсь—разбитый полкъ
Съ врагами павшими остался.
Снѣгъ падалъ... Мракъ ночной простеръ
Равно надъ всѣми ими крылья...
Предсмертныхъ стоновъ страшный хоръ
Въ ночи звучалъ тоской безсилья.
И, умирая въ цвѣтѣ силъ,
Похожи были два солдата...
Ихъ члены вѣтеръ леденилъ,
Душа была тоской объята.
Слабѣя, слышали они,
Какъ льется кровь ихъ, изсякая...
Надъ ними въ сумрачной тѣни
Ужъ рѣяла воронья стая.
Они подняться не могли,
Лежали въ ужасѣ безгласно,
И за носилками вдали
Слѣдили съ трепетомъ—напрасно.
И какъ всегда въ предсмертный часъ
Минувшей жизни пробужденье
Имъ принесло въ послѣдній разъ
Одно любимое видѣнье.

Въ священный мигъ уста раскрывъ,
Они одно сказать сумѣли:
То былъ отчаянный призывъ,
Знакомый съ самой колыбели.
Не все ль равно, какой языкъ—
Но ихъ сердца въ послѣдній мигъ
Надеждѣ вѣрили упрямо:
Когда жъ напрасно просить сынъ?
«Oh, Mütter, Mütter!» Звалъ одинъ...
Другой—шепталъ: «О, мама, мама!»

II.

ВЪ РАЮ.

Въ раю.

На лугахъ, усѣянныхъ цвѣтами
Голубыми, алыми, бѣлоснѣжными—
Ходятъ ангелы воздушными стопами,
Собираютъ цвѣты перстами нѣжными.
И когда ангелъ нагибается
И сорветъ розовый цвѣтокъ—
На землѣ любовь пробуждается,
И въ сердцѣ людскомъ пускаетъ ростокъ.
И когда ангелъ нагибается
И сорветъ цвѣтокъ голубой—
Мечта вдохновенья на землѣ рождается,
И улыбка сіяетъ въ душѣ людской.
И когда ангелъ нагибается
И бѣлый цвѣтокъ сорветъ—
Свѣтлая радость на землѣ рождается
И слеза участия облегчаетъ сердца гнеть.
Свиваютъ ангелы гирляндой душистой
Яркоцвѣтную жатву свою,
И кладутъ ее къ ногамъ Пречистой,
Царицы всѣхъ дѣвъ блаженныхъ въ раю.
За бѣломраморными колоннами

Она сидитъ на скамьѣ золотой,
Окружена дѣвами склоненными,
Озаряетъ ихъ пресвѣтлой красотой.
Она сіяетъ въ величїи славы:
Звѣзды горятъ въ ея жемчужной коронѣ,
Блистаютъ золотые клады
На ея лазоревомъ хитонѣ.
Дѣвы блаженныя въ вѣнкахъ изъ лилій
Поютъ Пречистой пѣсни сладкогласныя.
Съ серебрянымъ шелестомъ бѣлыхъ воскрылій
Мимо проходятъ ангелы прекрасныя.

Изъ-за своей золотой рѣшетки,
Сквозь облаковъ проплывающую сѣть,
Перебирая хрустальныя четки,
Любили ангелы на землю смотрѣть.
Какъ она зимою сіяла,
Какъ царица въ немеркнущихъ снѣгахъ,
Горѣла блескомъ алмаза, мерцаньемъ опала,
Вся утопала—въ жемчугахъ.
Какъ она покрывалась весною
Голубымъ узоромъ пробужденныхъ ручьевъ,
Блѣдно-зеленой листвою кружевною
И ковромъ разноцвѣтныхъ цвѣтовъ.
Какъ вѣтеръ по нивамъ золотого хлѣба
Ходилъ волнами въ іюльскій зной...

Любили ангелы радостно съ неба
Любоваться всей красотою земной.
Земля имъ казалась чудесной,
И вѣрили ангелы, что тамъ
Есть мѣсто любви небесной,
И милосердью и чистымъ мечтамъ.
Но больше всего смотрѣть изъ рая
На святую ночь любили они,
Когда по землѣ отъ края и до края
Зажигались повсюду святые огни.
И повсюду звучали пѣсни моленья,
Бархатный густой звонъ колоколовъ,
И въ самыя райскія селенья
Долетали тѣ пѣсни безъ словъ...
И старыхъ соборовъ стройные шпили
Блестѣли и сияли подъ яркою луной,
А кадиланицы въ храмахъ къ небу струили
Ароматный дымъ молитвы земной.
Всюду мерцали безчисленныя свѣчи,
Цвѣты украшали мраморъ алтарей,
Слышались въ домахъ веселыя рѣчи,
Сіяли восторгомъ глаза дѣтей...
Внимая сладкому славословью,
Звучавшему тамъ вдали—
Ангелы слушали съ свѣтлой любовью
Мирные звуки, летѣвшіе съ земли.

И тихо радовались сами:
И одинъ изъ нихъ—лучшую звѣзду зажигаль,
И пѣли своими серебряными голосами
Ангелы—свой прекраснѣйшій хораль.
«На землѣ—миръ, и въ человѣцехъ благово-
ленье!..»

Пѣли ангелы, славя Творца...
И люди слышали на землѣ ихъ пѣнье,
И въ нихъ возносились къ небу сердца.

Но что же въ эту ночь случилось съ землею?
Ангелы въ небѣ понять не могли,
Они смотрѣли внизъ съ тревогой и тоскою,
Не узнавая прекрасной земли.
Все затмевали тучи густого дыма,
Грохотъ потрясалъ всю землю кругомъ,
Точно длилась гроза, безъ конца, неумолимо,
Сверкали молніи и раздавался громъ.
Неслись предсмертные стоны и вопли страданія,
О пощадѣ тщетно человѣка молилъ человѣкъ,
Въ огнѣ погибали и рушились зданія,
Кровь красила въ пурпуръ воды рѣкъ...
Страшныя птицы въ воздухѣ рѣяли,
Одна нагоняла другую надъ бездной,
Онѣ огонь и разрушеніе сѣяли,
Слышался свистъ и лязгъ желѣзный...

Весь міръ заливали волны крови пурпурныя,
Кое-гдѣ держались еще островки,
Но и ихъ достигали эти волны бурныя...
И все было—смерть и ужасъ предсмертной тоски.
И съ ужасомъ ангелы внимали
Тому, что творилось на землѣ:
Воплямъ отчаянья, слезамъ печали,
Вспышкамъ пожаровъ въ кровавой мглѣ.

Но вотъ врата въ райскую обитель
Широко распахнулъ свѣтлый серафимъ...
И явился самъ Божественный Искупитель,
И новые пришельцы вошли за Нимъ.
Съ безмѣрною печалью, съ безмѣрною любовью
Онъ каждому ласково говорилъ: «войди...»
То были воины, забрызганные кровью,
Съ глубокими ранами въ груди.
Шли легіоны, въ одеждѣ сѣрой,
Разорванной и кровью залитой,
Глаза ихъ свѣтились дѣтской вѣрой
И покорностью... великой и простой.
Тысячи и тысячи было ихъ нынѣ!
Юношей, мужей и старцевъ сѣдыхъ...
Казалось, въ небесной равнинѣ
Скоро не хватитъ мѣста для нихъ.
И все прибывали, и все прибывали...

Встрѣчали ихъ арфы блаженныхъ дѣвъ,
И взоры Пречистой, полные печали
И вѣчной славы торжественный напѣвъ.
И вотъ, съ нихъ спали кольчуги ржавыя,
Изъ рукъ упали пробитые щиты,
Разсыпались въ прахъ одежды кровавыя...
И стали они—великой красоты.
И рядомъ съ дѣвами блаженными
У ногъ Пречистой заняли мѣста...
И стали прекрасными и нетлѣнными,
И какъ солнце сіяла ихъ красота.
Они были лучезарны и велики!
Они заслужили славу свою!

Но, закрывъ руками свѣтлые лики,
Тихо плакали ангелы въ раю.

III.
ОТЗВУКИ ВОЙНЫ.

Пѣсня надъ рубашкой.

Выводя свою ровную строчку,
Просижу я всю ночь напролетъ.
Всю-то долгую зимнюю ночку
Сонъ усталыхъ очей не сомкнетъ.

Сердце мое надрывается,
Кровью оно обливается...
Что я могу еще дать?
Только плакать, молиться и ждать.

Вотъ ужъ скоро работа готова,
Ужъ немного осталось мнѣ...
Ахъ, кому ты придешься, обновя,
На далекой, на страшной войнѣ?
Кто тебя какъ подъ праздникъ надѣнетъ,
Собираясь безтрепетно въ бой,
Или послѣ окоповъ замѣнитъ
Всю измокшую ветошь тобой?
И пойдетъ ли въ тебѣ онъ къ побѣдамъ?
Или крови горячей пятно
Навсегда несмываемымъ слѣдомъ

Въ смертный часъ обожжетъ полотно?
Кто бъ ты ни былъ, мой воинъ безвѣстный,
Но съ надеждой въ работу мою
Я съ молитвой Царицѣ небесной
Образокъ освященный зашью.
Боже мой, Боже мой! Доживу ли?..
Но пускай тебя въ битвѣ какъ щитъ
Отъ меча и отъ вражеской пули
Мягко вымытый холстъ защититъ!
Въ немъ всѣ жаркія слезы зашиты,
Всѣ тревоги безсонныхъ ночей...
Вѣдь иной,—вѣдь надежнѣй зашиты
Не найти мнѣ для жизни твоей.
Вдругъ—ниспослано будетъ судьбою
Словно чудо какое-нибудь,
Бѣлый холстъ мой прикроетъ собою
Моего ненагляднаго грудь?..
Не его—не его—такъ другого!
Для него—пусть другая сошьетъ...
Все равно, для кого—я готова
Просидѣть всю-то ночь напролетъ!
Сколько женщинъ отъ края до края
Наклоняются нынче къ шитью,
И дрожить въ нихъ душа, замирая,
О любимыхъ, далекихъ—въ бою...
Сколько—молятъ въ тоскѣ безутѣшной,

Какъ и я, на великой Руси:
— «Боже, милостивъ буди мнѣ, грѣшной—
Моего дорогого спаси!»

Сердце мое надывается,
Кровью оно обливается...
Что я могу еще дать?
Только—плакать, молиться—и ждать!

Паллада.

Не сверкала гроза на просторѣ,
Не вздымался бушующій валъ,
Въ страшный часъ, когда въ сѣверномъ морѣ
Обреченный корабль погибалъ.
Не гремѣли орудій раскаты
Надъ серебряной гладью морской:
Небеса были тихи и святы,
И на морѣ—великій покой.
Но не бури, не битвы ужасной,
Мой отважный морякъ, трепещи:
Ты опасности бойся безгласной,
Что какъ тать подползаетъ въ нощи.
Бой открытый не ждетъ тебя нынѣ,
И не встрѣтишь ты грудью врага...
Все спокойно на водной равнинѣ,
И родные близки берега.
— Оставались на крейсерѣ стройномъ;
Каждый—службу опасную несъ
Одинаково съ духомъ спокойнымъ—
Юный мичманъ и старый матросъ...
Не готовились къ ужасамъ битвы

Въ этотъ день, въ этотъ часъ моряки:
Прочитать не успѣли молитвы,
Не пожали другъ другу руки.
Но, зловѣщую выпустивъ мину,
Врагъ нанесъ свой ударъ—и бѣжалъ,
Какъ наемный убійца, что въ спину
Потихоньку вонзаетъ кинжалъ.
Дымъ и пламя взметнулись сверкая,
Вопль стоустый, и грохотъ, и взрывъ...
И разверзлася бездна морская,
Въ глубинѣ своей ужась сокрывъ.
Мигъ одинъ—и исчезла громада
Въ потрясенныхъ водахъ безъ слѣда,
Тамъ, гдѣ высилась гордо Паллада—
Только волнъ набѣгаетъ гряда.
Вѣчной славы и воинской чести
Заслужила Паллада вѣнецъ...
Но, о Боже мой, сколько съ ней вмѣстѣ
Въ это время разбилось сердецъ!..
Вѣсть завтра придетъ роковая
Объ ужасномъ концѣ корабля,
Моремъ скорби сердца заливая,
Мракъ могильный повсюду стеля.
Взяты моремъ!.. Надъ братской могилой
Не поднимется бѣлыхъ крестовъ,
И нельзя будетъ памяти милой

Приносить туда слезъ и цвѣтовъ...
Взяты моремъ!.. навѣки, безслѣдно...
Не отнять у пучины морской...
И сомкнулося море побѣдно
Надъ неожиданной добычей такой.
И опять безмятежность покоя...
Только съ криками чайки снуютъ,
Да чуть слышныя волны приборя
Тихо «Вѣчную память» поютъ.

Икона.

Вѣтеръ, буйный вѣтеръ, что такъ горько сто-
нешь?

Словно дорогого друга ты хоронишь...
Подъ свинцовой кровлей мрачной темноты
Всѣхъ погибшихъ въ морѣ отпѣваешь ты!
Здѣсь людей не надо—небо лишь да море,
Да слилися волны въ погребальномъ хорѣ:
«Всѣхъ, конецъ нашедшихъ въ глубинѣ морской—
Всѣхъ ихъ со святыми, Боже, упокой!»
Все пустынно въ морѣ... Жутко, одиноко...
Только—что плыветъ тамъ на водѣ далеко?
Образъ! Это—образъ! Сломанъ крестъ надъ нимъ,
Но Спаситель смотритъ—образъ невредимъ!
То съ «Паллады» образъ—ликъ Христа не-
бесный...

Онъ одинъ лишь спасся силою чудесной:
Онъ къ живымъ отъ мертвыхъ поднялся со дна—
И его вернула моря глубина.
Всѣ, кто взять былъ моремъ въ страшное мгно-
венье,
Съ нимъ изъ-за могилы шлютъ благословенье

Тѣмъ, кого любили на родной землѣ,
Тѣмъ, кому сіяли въ тусклой жизни мглѣ...
Некому отнынѣ быть имъ обороной:
Пусть хранимы будутъ пресвятой иконой!
Вотъ привѣтъ послѣдній и загробный знакъ...
И плыветъ икона, озаря мракъ.
Затихаетъ вѣтеръ, тихо шепчетъ море:
«Пощади живущихъ, облегчи ихъ горе...
Сжался надъ безмѣрной горестью людскою...
Мертвыхъ—со святыми, Боже, упокой!»

За Россію.

Давно ль средь насъ, съ смиреньемъ, просто-
душно,

Какъ пахари работали они?

И вотъ теперъ пришли другіе дни—

И жатвой стали всѣ они послушно.

На пажитяхъ родной своей земли

Подъ грозный серпъ покорно клонять выю...

И многіе изъ тѣхъ, кто тамъ легли—

Не встанутъ больше—за Россію.

О, тѣмъ изъ нихъ, кто пощаженъ въ бою,

Но кто позналъ всѣ ужасы сраженья,

Но кто въ глаза ужъ видѣлъ смерть свою—

И вотъ, лежитъ, какъ жертва, безъ движенья—

Дадимъ имъ все, что только есть у насъ,

Любя, залѣчимъ раны ихъ святыя:

Пусть знаютъ всѣ, что каждый день и часъ

Благословляетъ ихъ Россія.

Вернемъ имъ все—чего не отнялъ врагъ,

Все сдѣлаемъ, что только сдѣлать въ силахъ:

Пусть кровь опять польется мощно въ жилахъ,

Взоръ станетъ яснымъ, твердымъ будетъ шагъ.

Они пошли какъ грозная стихія,
Чтобы за насъ—безъ стона жизнь отдать...
Такъ пусть ихъ нѣжно выходитъ какъ мать,
 Вся необъятная Россія.
Давайте больше!.. Пусть любви порывъ
Соединитъ насъ силой благодатной,
Отвѣтимъ имъ на ихъ святой призывъ,
Хоть такъ—нашъ долгъ заплатимъ неоплатный.
Настанетъ день—и братья ихъ навѣкъ
Надменную главу раздавятъ змію...
Благословимъ же воиновъ-калѣкъ,
 Терпѣвшихъ муку—за Россію!

Князь Олегъ.

О юный витязь, князь О́легъ!
Герой невинный и прекрасный!
Съ душой еще по-дѣтски ясной
И чистой, какъ нагорный снѣгъ!
Ты мирныхъ дней оставилъ дѣло,
Что совершалъ ты въ тишинѣ,
И какъ Георгій на конѣ
Въ ряды враговъ врубился смѣло.
И первымъ очутился ты,
Герой, средь вражескаго стана...
Потомъ—зіяющая рана
И мракъ могильной темноты.
Смерть какъ цвѣтокъ тебя скосила
На пажитяхъ родной земли...
А сколько бь дать еще могли
Твоя душа и умъ и сила...
Но ты судьбой на утрѣ дней
Отозванъ къ горнему Престолу...
И кто главы не склонить долу
Предъ свѣтлой памятью твоей?
Нѣтъ въ мірѣ скорби безысходнѣй

Терять того, кто такъ любимъ...
Благословеніе Господне
Надъ милымъ именемъ твоимъ!
Смерть безошадно и безгласно
Сломала молодой побѣгъ...
Но память о тебѣ прекрасна,
О юный витязь, князь Олегъ!

Глаза.

Сколько юныхъ лицъ... Сколько юныхъ глазъ
Смотрить на меня со страницъ журнала!..
Вижу въ нихъ—тоску, жажду идеала,
Нѣжность и печаль, радость и экстазь...
Юные глаза, полные задора,
Ясные глаза, полные ума,
Кроткіе глаза—тихія озера,
Страстные глаза—бархатная тьма.
Всѣ кому-то жизнь свѣтомъ озаряли,
Съ кѣмъ-то крестъ несли въ жизненной борьбѣ,
Свѣточки любви, свѣточки печали—
Заключали міръ, цѣлый міръ въ себѣ.
Были свѣтомъ дня, радостью защиты,
Грезой—каждый мигъ, счастьемъ—каждый часъ.
И теперь они навсегда закрыты..
Почему, зачѣмъ—чудный свѣтъ погасъ?
Сколько женскихъ глазъ—въ этотъ мигъ по-
всюду
Навсегда простясь съ радостью земной,
Перестали ждать, страстно вѣрить чуду,
И для нихъ навѣкъ свѣтъ померкъ дневной.

Дѣтскіе глаза... вы едва проснулись,
Вы еще на міръ смотрите свѣтло...
Отраженья глазъ, что навѣкъ сомкнулись,
Искры ихъ огней, ихъ лучей тепло!
Дѣтскіе глаза, сила въ васъ большая:
Новой жизни даръ, счастья залогъ...
Вы несете миръ, сердце утѣшая...
— Тѣмъ, кто одинокъ—да поможетъ Богъ!

Далекія могилы.

Помянемъ всѣхъ тѣхъ, кто убитъ:
Ихъ сотни, ихъ тысячи нынѣ.
Кровавый туманъ беспощадно царитъ
Въ житейской долинѣ.
Помянемъ всѣхъ тѣхъ, кто убитъ,
Въ комъ сердце отвагой горѣло,
Кто жизнь молодую свою
Въ далекомъ краю
Сложилъ за великое дѣло.
Далеко, далеко могилы встаютъ,
Кресты ихъ чернѣютъ въ туманѣ.
Убитыхъ героевъ послѣдній приютъ—
Тамъ въ каждомъ смиренномъ курганѣ.
Вотъ падаетъ снѣгъ, и покровомъ зимы
Онъ алую кровь засыпаетъ,
Онъ бѣлымъ ковромъ прикрываетъ холмы...
Земля до весны засыпаетъ.
Подъ кровомъ туманной сѣдой тишины
Лежить... Цѣпенѣютъ въ ней силы...
И снятся ей тяжкіе, грустные сны,—
И сны ея—эти могилы.

Туманъ нависаетъ... Весь воздухъ застыль...
Теряются насыпи свѣжихъ могилъ
Во мглѣ безотрадно унылой.
Порою въ сраженьяхъ нѣтъ жертвамъ числа,
И часто то поле, гдѣ битва прошла,
Становится общей могилой.
Давно ли сражались въ жестокомъ бою,
Но грозная смерть побѣдила,
И всѣхъ одинаково въ бездну свою
Одна приняла ихъ могила.
Но чаще—въ предѣлахъ чужой имъ земли
Солдаты, своихъ оставляя,
Холмы отмѣчали чѣмъ только могли,
Чтобъ память нашла ихъ родная.
Вотъ мѣдная каска... Схороненъ здѣсь «врагъ»
Рукою чужого солдата,
А вотъ развѣвается русскій нашъ флагъ
Надъ насыпью павшаго брата.
Изъ вѣтокъ сколоченный наскоро крестъ,
Иль камень тяжелый придвинуть...
Молитву прочтутъ у печальныхъ тѣхъ мѣстъ,
Вздохнутъ—и могилу покинутъ.
Кресты дорогіе далекихъ могилъ!..
Никто имъ прощальныхъ цвѣтовъ не носилъ,
Лишь зимнія вѣтви темнѣли
Всегда зеленѣющей ели,

Да кто-то, оставшійся чудомъ въ живыхъ,
Украсилъ съ терпѣніемъ любящимъ ихъ
Убранствомъ изъ грозной шрапнели.
О павшіе братья, герои войны!
Какъ часто витаютъ и думы и сны
На мѣстѣ ихъ гибели славной...
Но вмѣсто смиренныхъ убогихъ крестовъ,
Что бѣлой зимы одѣваетъ покровъ—
Я памятникъ вижу державный.
Тотъ памятникъ бранный—не зодчій тесаль,
Не мраморъ, не камень гранитовыхъ скалъ
Его составляютъ подножье,
Но вѣчная память всей русской земли
Героямъ, что здѣсь за Россію легли—
Чье истинно царствіе Божье!
Ихъ память въ сердцахъ полновластно царить,
Въ сіяньи любви неизмѣнной:
Тотъ памятникъ вѣчный—свѣтъ славы нетлѣнной,
Свѣтъ славы—всѣмъ тѣмъ кто убитъ!

Кто она?

Кто ты, свѣтлая! Кто ты, чистая?
Свои волосы скрыла ты бѣлоснѣжною повязкою,
Глаза твои—теплятся несказанною ласкою,
Въ глазахъ твоихъ свѣтится улыбка лучистая,
Надъ любимымъ ли воиномъ, надъ врагомъ уми-
рающимъ
Ты склоняешься бережно, для всѣхъ одинаково:
Тихимъ словомъ участія, съ судьбой примиряю-
щимъ,
Обогрѣешь ты каждого,—пожалѣешь ты всякаго.
Кѣмъ была ты донинѣ, о женщина нѣжная?
Недоступной принцессою?.. Горожанкой ли скром-
ною?..
Что прикрыла повязка твоя бѣлоснѣжная:
Діадему ли царскую, косу ль дѣвичью темную?
Красотой ли сіяла ты на пріемахъ торжествен-
ныхъ,
Надъ работой тяжелою гнула ль спину усталую,
Чаровала ли звуками своихъ пѣсень божествен-
ныхъ,
Иль въ семьѣ расцвѣтала вешней розою алою?

Что тамъ, въ мірѣ покинутомъ, твое сердце
оставило?
Что?.. Печаль неутѣшную, иль любовь погребенную?..
Все равно, что шаги твои въ эти стѣны направило,
Что глаза твои скрасило глубиною бездонною.
Ты надъ ложемъ болящаго вѣешь тихой отрадою,
Вся полна отреченія и святого усердія...
Темной ночью сіяешь ты негасимой лампадою...
Утѣшеніе страждущихъ—ты—*сестра милосердія!*

Старый солдатъ.

Я старъ и сѣдъ,—прошелъ я долгій путь,
И въ правѣ былъ отъ жизни отдохнуть.
Закатъ мой былъ такъ безмятежно свѣтелъ...
Ужъ я уйти спокойно былъ готовъ...
Но родины раздался мощный зовъ—
И на него всѣмъ сердцемъ я отвѣтилъ.
Вся грудь моя въ медаляхъ и крестахъ,
Въ былые дни мнѣ былъ невѣдомъ страхъ,
Опасность я считалъ пустою басней—
И что жъ теперь—не мнѣ грозить врагу,
Я защищать Россію не могу...
О, я не зналъ отчаянья ужаснѣй!
Безсиліе мнѣ душу горько жжетъ...
Мои глаза не знали слезъ—и вотъ,
Они теперь хотѣли бы заплакать.
Но нѣтъ! Не надо!.. Старый ветеранъ
Забудетъ боль своихъ старинныхъ ранъ,
По улицамъ пойдетъ и въ дождь и въ слякоть.
И къ вамъ рука протянется моя...
Она не въ силахъ удержать ружья—
Пускай творить иное дѣло нынѣ.

Съ любовью буду лепту собирать,
Чтобы родная воинская рать
Узнала нашу ласку на чужбинѣ.
Вся грудь моя въ медаляхъ и крестахъ,
А я стою съ мольбою на устахъ,
И гордости былой завѣтъ отринуть.
— Подайте мнѣ!—прошу.—Подайте мнѣ!
Мы здѣсь въ домахъ—имъ тяжело на войнѣ,
Намъ здѣсь тепло—они въ окопахъ стынуть.
Откликнитесь на мой горячій зовъ!
Чтобъ дорогихъ измученныхъ орловъ
Участіе всей родины согрѣло...
За каждый грошъ, что мнѣ отъ сердца данъ—
Благословить васъ старый ветеранъ,
Смирненное свое свершая дѣло.

На „елку въ окопах“.

(Счастливымъ женщинамъ).

Если съ лаской своею невинной
Твой ребенокъ обниметь тебя;
Если другъ тебѣ посланъ судьбою,
Что всю жизнь твою дѣлать, любя;
Если небо любимаго мужа
У тебя не хотѣло отнять;
Если ты какъ ребенка лелѣешь
Свою милую старую мать,—
Если тихо, свѣтло и уютно
Въ беззавѣтномъ твоёмъ уголкѣ,
Если ты по ночамъ не рыдаешь
У иконы въ безумной тоскѣ,—
Если служить надежной поддержкой
Для тебя дорогая рука,
И великая чаша страданій
Твое сердце минуетъ пока,—
О, скорѣе свою благодарность
Принести со слезами спѣши,
Помни, помни о тѣхъ, кто не съ нами,

Свою жертву давай отъ души.
Пусть не будетъ разубранныхъ елокъ
Въ нашихъ окнахъ горѣть въ Рождество!..
Разскажи своимъ дѣтямъ всю правду,
Если спросятъ тебя—«отчего?»
Разскажи, что въ далекихъ окопахъ
Только зимнія звѣзды горять...
Тамъ морозною ночью томится
Нашъ безвѣстный защитникъ и братъ.
Разскажи имъ, что тысячи жизней,
Можетъ-быть, тамъ погибнуть за насъ!
Что тамъ холодно, жутко, сурово
Въ полуночный таинственный часъ.
Что, быть-можетъ, послѣднюю радость
Принесетъ наша ласка туда...
Что, быть-можетъ, послѣднія слезы
Озарить тамъ святая звѣзда.
Что не смѣемъ мы здѣсь веселиться,
Зажигая безъ счета огни—
Если тамъ за родную Россію
Такъ безропотно гибнутъ *они*.
Да, *они* своей жизнью и кровью
Защищаютъ нашъ мирный очагъ...
Неужели для нихъ мы не можемъ
Отрѣшиться отъ жизненныхъ благъ?
Нѣтъ, не надо разубранныхъ елокъ,

Пусть онѣ въ этотъ день не горять:
Пусть горять наши души любовью!
Будетъ праздникъ—печалью намъ святъ.
Но когда нашихъ славныхъ побѣда
Край родной озаритъ торжествомъ—
Вотъ когда будетъ праздникъ великій,
Вотъ когда всѣ огни мы зажжемъ!

Въ рождественскій вечерь.

Вечерь полонъ какой-то печальной
И хрустальной
Чистоты...

Легкій иней покрылъ кружевною
Бѣлизною
Всѣ кусты.

Зеленѣетъ вверху надъ закатомъ
Розоватымъ
Небосклонъ,

Вдаль глубоко уходитъ аллея,
Голубѣя
Какъ сквозь сонъ...

Надъ рѣкою въ туманѣ—не мрачномъ,
А прозрачномъ—
Чуть яснѣй

Выступаетъ, колеблясь и тая,
Золотая
Цѣпь огней.

* * *

Въ этотъ часъ, въ этотъ мигъ—неужели
Свистъ шрапнели
Гдѣ-то тамъ,
И потокъ протекаетъ кровавый
Грозной лавой
По полямъ?
И орудій разносится грохотъ,
Точно хохотъ
Сатаны—
Въ этотъ вечеръ, весь полный печальной
И хрустальной
Тишины?

Вѣра, надежда, любовь.

Кто можетъ молиться—отраду найдетъ:
Чудесный покой есть въ смиренныхъ молитвахъ,
И вѣра—смягчаетъ намъ жизненный гнетъ...

.....
Но кто позабыть насъ заставить о битвахъ?..

* * *

Сіяетъ въ лучахъ небосклонъ голубой,
И лиліи чисты, и розы красивы.
Весна намъ приноситъ надежду съ собой...

.....
Но кто же осушить кровавыя нивы?

* * *

О другъ мой, дай милую руку твою:
Любовь—это отблескъ далекаго рая,
Надъ міромъ царить ея воля святая...

.....
Но кто возвратитъ намъ погибшихъ въ бою?

Въ непогоду.

На дворѣ бушуетъ вѣтеръ марта,
Снѣгъ летитъ по зябнущимъ кустамъ...
На стѣнѣ—развернутая карта:
Что-то тамъ, о, Боже... Что-то тамъ?

Здѣсь тепло, спокойно и уютно,
Въ печкѣ рдѣютъ красные огни...
За окномъ—отъ бурной вьюги смутно...
Что они, о, Боже... Что они?..

Вотъ ужъ меньше тучъ на горизонтѣ,
Снѣгъ прошелъ, холодный вѣтеръ стихъ...
Можетъ-быть, теплѣй и тамъ, на фронтѣ...
Все о нихъ, о, Боже!.. Все о нихъ!

Письмо.

Письмо оттуда...

«Простите, что написано такъ худо:
Писать въ окопахъ очень тяжело.
Хотѣлъ бы, чтобъ письмо мое дошло!
Я получилъ подарки дорогіе...
Благодарю за вашу ласку васъ.
Ужъ мы, Богъ дастъ, не выдадимъ Россіи,—
А вы молитесь, чтобъ Господь насъ спасъ.
Желаю вамъ счастливо праздникъ встрѣтить
Христось воскресь!.. И васъ прошу отвѣтить:
Вѣдь родина отъ насъ такъ далека,
Знать хочется, что дѣлается дома...

Писалъ солдатъ такого-то полка».

Простая вещь! Какъ всѣмъ она знакома...
Христось воскресь... О, Боже, Боже мой!
Вернешься ли, безвѣстный другъ, домой?..
Христось воскресь... И ждешь и молишь чуда...
И эта жизнь такъ кажется нужна...
И льется слезъ горячая волна
На бѣдное письмо... Письмо оттуда!

IV.

ПОЛЬШЬ.

Польская пѣснь.

Боже, Ты, Польшу долго озарявшій
Блескомъ великой мощности и славы,
Отъ бѣдъ грозившихъ—долго охранявшій
Свѣтлымъ щитомъ Святой Твоей державы!

Предъ Твой алтарь молитвы мы приносимъ:
Волю, отчизну—возвратить намъ просимъ!

Вновь бѣдной Польшѣ блескъ верни бывалый,
Вновь оживи загубленные нивы...

Пусть расцвѣтетъ опять нашъ край усталый—
Будетъ карать насъ, Боже справедливый!

Предъ Твой алтарь молитвы мы приносимъ—
Волю, отчизну возвратитъ намъ просимъ!

Боже Святой! Во имя ранъ Христовыхъ
Павшимъ сынамъ даруй свѣтъ вѣчной жизни...
Возри на насъ, томящихся въ оковахъ—
Счастье верни измученной отчизнѣ.

Предъ Твой алтарь молитвы мы приносимъ:
Волю, отчизну возвратитъ намъ просимъ.

Боже Святой! Своей чудесной силой
Ты отрази убійства и невзгоды...

Пусть ангелъ мира, ангелъ свѣтлокрылый
Соединитъ насъ всѣхъ въ союзъ свободы.
Предъ Твоемъ алтарь молитвы мы приносимъ:
Волю, отчизну возвратитъ намъ просимъ!
Польскій народъ, въ слезахъ весь утопая,
Молитъ за тѣхъ, кого взяла могила:
Чтобъ муки ихъ, смерть ими принятая—
Къ свѣтлой свободѣ намъ врата открыла.
Предъ Твоемъ алтарь молитвы мы приносимъ:
Волю, отчизну возвратитъ намъ просимъ!

Польша.

Край намъ близкій, Польша, Польша,
Наша младшая сестра,
Занялся разсвѣтъ твой смутно
Въ грозномъ пламени костра.
Дымъ пожаровъ, рѣки крови,
Безъ пощады злобный врагъ,
И дѣтей голодныхъ стоны,
И разграбленный очагъ.
Мирныхъ сель опустошенье,
Ярость пуль, набата жуть...
Вотъ, сестра, въ какое время
Всходишь ты на новый путь!
Вся израненная, Польша,
Утонула ты въ крови...
Но не бойся! Есть въ Россіи
Много силы и любви.
Ты, сестра, за насъ страдала...
Жертва бѣдная, прости!
Мы твои залѣчимъ раны,
Мы должны тебя спасти.
Мы дѣтей твоихъ накормимъ,

Обогрѣемъ бѣдняковъ,
Приутимъ несчастныхъ братьевъ
И вернемъ имъ отчій кровъ.
Всепрощенья, примиренья
И любви святой залогъ
Въ эту тяжкую годину
Намъ найти поможетъ Богъ!
Для родной и близкой Польши
Кто что можетъ—пусть дастъ:
Дайте щедро, дайте больше
Хлѣба, ласки и заботъ.
Пусть увидитъ, что за бурей
Будетъ свѣтлая пора...
Оживетъ и встанетъ Польша—
Наша младшая сестра!

Дѣти бѣженцевъ.

- Гдѣ твой отецъ?—«Онъ ушелъ на войну».
— А гдѣ твоя мать?—«У Боженьки въ раю».
— А твой отецъ гдѣ? — «Онъ, говорятъ, въ
плѣну...»
— А твой отецъ гдѣ? — «Убитъ въ чужомъ
краю».

Сбились всѣ вмѣстѣ—испуганныя пташечки...

«Подходите ближе... Не всѣ — поодиначкѣ!»

Этой дадутъ въ мисочкѣ, этой дадутъ
въ чашечкѣ,

Этому въ тарелочкѣ, этому въ горшечкѣ.

* * *

И тянутся ручки, худыя, дрожащія,
Маленькія ручки—къ чашкѣ деревянной.
Робко смотрятъ глазки, слезами блестящіе,
Съ улыбкою жалобной и не дѣтски-странной.
Эти глазки видѣли... страшныя вещи.
Рушились кровли, кровь лилась потокомъ,
Пылали отсвѣты зарева, зловѣщи...
А они смотрѣли—въ ужасѣ глубокомъ.

Здѣсь они не плакали, матери не звали,
И стояли тихія, очень осторожно:
Мать ихъ не услышитъ... Они ужъ это знали...
Холодно на улицѣ: здѣсь погрѣться можно.
Тамъ звучали выстрѣлы, разрушались зданія,
Сокрушались крѣпости, гибли города—
Здѣсь же—было море невиннаго страданія:
Бурей—малыхъ птенчиковъ смело изъ гнѣзда.
Ихъ на мигъ пригрѣла чья-то мать—чужая—
Имъ дала немного ласки и защиты...
Думала, головки темныя лаская:
«Мои—пока здоровы... Мои—пока мѣсть сыты!»
Стоять они покорныя, крошечныя, блѣдныя,
Съ той, кто рѣжетъ хлѣбъ—они не сводятъ
взгляда.
И тянутся ручки, дрожащія, бѣдныя...
Птенчики голодные! Много ли имъ надо?

* * *

— Гдѣ ты живешь? — «Сожгли нашъ бѣлый
домъ...»
— А гдѣ же твой домъ? — «Его нѣтъ у меня».
— Гдѣ же ты спишь? — «Далеко... Подъ мо-
стомъ».
— Гдѣ же ты ѣла? — «Не ѣла два дня...»

Спутанные волосы... Рванья рубашечки...
Глазки эти грустные... Худенькія щечки...
Этой дали въ мисочкѣ, этой дали въ ча-
шечкѣ,
Этому—въ тарелочкѣ, этому—въ гор-
шечкѣ.

v.

1314-й ГОДЪ.

Пѣсня за игрой въ мячъ.

Мой рыцарь уѣхалъ на бѣломъ конѣ,
Былъ крестъ на плащѣ его вышитъ.
Онъ уѣхалъ сражаться въ невѣрной странѣ,
И вѣстей мнѣ не шлетъ и не пишетъ.
Иль погибъ въ Палестинѣ онъ въ смѣлой борьбѣ.
Паль отъ меча сарацина?..
— Изотта, тебѣ... Маргарита, тебѣ...
 Тебѣ, Анджіюлина!

Но розы покинули зимній свой плѣнь,
Радуюсь Божьему чуду,
Плющъ обвился возлѣ каменныхъ стѣнъ,
Солнце весеннее всюдю.
Обвѣяна сладкимъ дыханьемъ любви,
Усыпана цвѣтомъ долина...
— Изотта, лови... Маргарита, лови...
 Лови, Анджіюлина!

Вернулся мой милый на бѣломъ конѣ,
Увѣнчанный славою бранной:

Привезъ онъ кольцо обручальное мнѣ,
И изъ Сирии шарфъ златотканный.
Говори жъ о любви, и счастье зови,
Пой громче, моя мандолина!
— Изотта, лови... Маргарита, лови...
Лови, Анджіолина!

Приношеніе.

На площади соборной стоитъ нашъ старый
храмъ:

Тамъ нынче служить мессу архіепископъ самъ.
Какъ островъ въ бурномъ морѣ, стоитъ соборъ
святой:

Въ его стѣнахъ высокихъ незыблемый покой.
Цвѣтныя стекла оконъ тамъ въ полутьмѣ горять,
И благовѣсть воскресный какъ пѣснопѣнье святъ.
Туда прокрадусь тихо, едва взойдетъ заря,
Снесу мой даръ смиренный — покровъ для
алтаря.

Три раза надъ землею смѣнялся ликъ луны,
Что я въ парчу вплетала мечты мои и сны.
Я сдѣлала покровъ мой изъ золотой парчи,
Я вышила тамъ небо, и солнце, и лучи.
Зеленою гирляндой и чудною каймой
Изъ алыхъ розъ, и лилій, покровъ украшенъ мой.
Блаженную Агнесу я вышила на немъ!
Ея мнѣ дали имя давно весеннимъ днемъ.
Съ тѣхъ поръ семнадцать весенъ промчалось надо
мною...

И вот настало горе, померкнулъ свѣтъ дневной.
Мой другъ, мой пажъ кудрявый, любилъ меня
одну...

Оруженосцемъ графа пошелъ онъ на войну.
О, какъ мнѣ одиноко, какъ страшно за него...
Моли, моя Святая, за друга моего!

Пѣсня сторожа.

Полдень бѣть!..
Чась прошелъ, чась вами прожить...
Каждый чась вамъ горе множить,
Бремя лишнее несетъ
Треволнений и заботъ...

Полдень бѣть!..
Время движется впередъ,
Не утихнетъ, не устанетъ,
Не замедлитъ быстрый летъ...
Каждый чась вамъ сердце ранить,
А послѣдній чась—убѣть!

Полночь бѣть...
Новый день ужъ настаетъ...
Неизбѣжному повѣрьте:
Не уйдетъ и вашъ чередъ...
Часомъ, часомъ ближе къ смерти!

Ожиданіе.

Я одна въ моей молельной,
Строго смотря образъ...
Страшной пѣснью колыбельной
За окномъ шумить гроза.
Подъ стѣнами Авиньона,
Говорять—жестокій бой...
Можетъ-быть, онъ палъ безъ стона—
Вѣрный, смѣлый рыцарь мой?
Давить тяжкая кольчуга,
Смертной жаждой онъ томимъ...
Но никто съ участием друга
Не наклонится надъ нимъ.
Свѣтель замокъ... Пышно ложе...
Приказаній ждуть пажи...
Какъ же жить мнѣ съ этимъ, Боже?
Какъ, Марія, укажи?..
Жду я... жду въ тоскѣ смертельной...
Слезы жгутъ мои глаза...
Я одна въ моей молельной,
Строго смотря образа.

Молитва.

Марія! Спаси! Просвѣти!..
Жемчужина чистая,
Лиля душистая,
Голубка сребристая,
Помоги мнѣ на трудномъ пути!..
Заря благодатная,
Роса ароматная,
Звѣзда незакатная—
Укажи ты, куда мнѣ ийти?..
Тучка невинная, бѣлизна лебединая,
Святая Единая—
Мнѣ, грѣшной, любовь и страданье прости!

Возвращеніе.

О, если бь скорѣй стѣны замка виднѣлись—
Пока не сгустятся ночные туманы!
Прекрасныя руки мадонны Аэлисъ
Искусно залѣчатъ тяжелыя раны...
Мадонна Аэлисъ, склонясь надо мною,
Въ питье мнѣ положить душистой приправы...
Изъ золота чашу наполнить водою,
А въ воду прибавить цѣлебныя травы...
На смѣну тяжелымъ желѣзнымъ доспѣхамъ
Надѣну свободный камзолъ изъ самита,
Камзолъ изъ самита, подбитаго мѣхомъ...
Въ объятяхъ Аэлисъ—покой и защита...
И мягкія руки, прекрасныя руки
Согрѣютъ, укроютъ отъ ужасовъ ночи...
Забудется холодъ... Не будетъ разлуки...
Спокойно сомкну я усталыя очи...
Какъ ласковы будутъ и взоры и рѣчи,
Какъ тихо все будетъ въ просторномъ покоѣ...
Ни криковъ, ни воплей, ни грохота сѣчи—
Все тихо, все тихо... Блаженство какое...
Какъ стужа терзаетъ! Какъ медленны кони!

Тяжелой цѣной мы купили побѣду...
Но чу!.. Что я слышу? Иль топотъ погони?
Ужель не увижу?.. Ужель не доѣду?..
Настигнуть!.. Ужъ близко совсѣмъ затемнѣлись—
Теперь упаду и ужъ больше не встану...
Мадонна Аэлисъ, мадонна Аэлисъ!
Ты мнѣ не залѣчишь смертельную рану.

Часъ тушенія огней.

Тушите всѣ огни!

Господь, десницей своей святою
Ты укрываешь міръ темнотою...
На отдыхъ городъ—осѣни.
Оставьте прялки, оставьте пяльцы,
Пусть смолкнутъ пѣсни, стихнетъ смѣхъ...
Пусть спятъ счастливыя, пусть спятъ стра-
дальцы—

Премудрый сонъ сравниваетъ всѣхъ.
Къ кому подруга во тьмѣ ласкается,
Тотъ небеса благодаритъ...
Кто въ прегрѣшеніи тяжеломъ кается—
Молись во мракѣ до зари.
Темнѣютъ молча твердыни башенъ,
Скрипятъ подъемные мосты...
Вотъ все затихло, и свѣтъ погашенъ,
Нѣмая улицы пусты.
Впустите бѣдныхъ! Въ дома, скитальцы:
Не пріютитъ такого—грѣхъ...

Оставьте прялки и бросьте пяльцы,
Пусть смолкнутъ пѣсни, стихнетъ смѣхъ.
За васъ не сплю я, хожу дозоромъ,
Смотрю, не скрылся ль врагъ въ тѣни...
Луна ужъ встала—тамъ, надъ соборомъ...
Тушите всѣ огни!

Рождественская ночь.

Въ эту ночь всѣ звѣзды погасли—
Кромѣ одной.

Въ эту ночь былъ положенъ въ смиренныя ясли
Младенецъ красы неземной...

Отъ головки его, свѣтозарно блистая,
Исходили лучи:

И солома какъ будто была золотая,
Такъ ярко сіяла въ ночи.

Звѣзда, освѣщая поля имъ чужія,
Волхвовъ привела сквозь синюю тьму,
Туда, гдѣ, склонясь надъ младенцемъ, Марія
Колыбельную пѣснь тихо пѣла Ему.

Золото, ладанъ, ароматы и смирна—
Сложены были у божественныхъ ногъ...

Кроткій волъ вздыхалъ и стоялъ такъ смиренно,
Словно онъ понимать великое могъ...

Лучъ звѣзды падалъ прямо въ ясли,
И тянулся къ Младенцу золотою струной...

Въ эту ночь—всѣ звѣзды погасли,
Кромѣ одной.

VI.

МОЛИТВЫ.

Передъ исповѣдью.

Прости мнѣ, Господи, Ты съ высоты креста,
Прости мнѣ, Господи, во имя неба!
Прости за то, что я сыта —
Когда у столькихъ нѣту хлѣба!
Прости за то, что безмятежный смѣхъ
Мои глаза порою зажигаетъ...
Что не всегда я думаю о тѣхъ,
Кто жизнь свою къ Твоимъ ногамъ слагаетъ.
Прости за то, что я не все даю
Тѣмъ, чьи отцы лежатъ теперь въ могилахъ...
Прости за то, что я любовь мою
Ни позабыть, ни уменьшить не въ силахъ!
Прости меня! И какъ чудесный знакъ,
Какъ вѣрный знакъ великаго прощенья,
О, Господи, молю я, сдѣлай такъ,
Чтобъ тамъ окончились мученья!
Чтобъ не было позора и стыда
Счастливымъ быть въ часы войны кровавой...
О, Господи, дай миръ намъ навсегда
И насъ покрой Своей святой державой.

Молитва Ефрема Сирина.

Дымокъ изъ кадила поднимается
Тихой струйкой, свѣтло-свѣтло синею...
Анаѳема нынче возглашается
Празднословію, праздности, унынію.
— Господи, Владыко! Отгони
Духъ унынія, празднословія, праздности...
Господи! Всѣ мы живемъ въ эти дни
Въ какой-то жестокой несообразности.
Господи! Весь міръ сейчасъ въ крови,
Погруженъ въ тьму отчаянья кромѣшную...
— Даруй намъ духъ терпѣнія и любви!
Господи, просвѣти и меня грѣшную!
Болью до краевъ переполнена душа,
Жалостью къ братьямъ гибнущимъ расширена...
— Даруй, Господи, Любви!..—Какъ хороша
Святая молитва Ефрема Сирина!..